

УДК 304.4

*О.А. Богатова***«А ОНИ – ДРУГИЕ»: СОЦИАЛЬНОЕ ДИСТАНЦИРОВАНИЕ И «ЯЗЫК ИДЕНТИЧНОСТИ» В РЕГИОНАЛЬНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ (НА ПРИМЕРЕ ОТНОШЕНИЯ К ПРОБЛЕМЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)¹**

В исследовании, предметом которого является дискурс политико-территориальной идентичности населения субъектов Российской Федерации в статусе республик на примере Республики Мордовия, анализируются результаты фокус-групп, относящиеся к проблеме объединения регионов Приволжского федерального округа. С точки зрения диспозициональной концепции социальной самоидентификации, в рамках структуралистско-конструктивистского подхода в исследовании выявлены основные социальные диспозиции, обуславливающие региональные, центрально-периферийные и национально-гражданские самоидентификации населения Республики Мордовия, показана вторичность культурной идентификации регионов как «других» на основе социального дистанцирования.

Ключевые слова: социальная идентификация, территориальные идентичности, региональная идентичность, политика идентичности, социальная дистанция, социальные границы, дискурс идентичности, республики в составе Российской Федерации, объединение регионов.

Введение

Предметом данного исследования является дискурс территориально-политической идентичности населения субъектов Российской Федерации в статусе республик на примере Республики Мордовия. Исследовательская проблема заключается в поиске диспозициональных оснований региональной самоидентификации и оптимальной методологии исследования процессов социально-территориальной идентификации в условиях неадекватности реифицирующей «сильной» парадигмы социальной идентичности. Данная парадигма предполагает по умолчанию наличие у населения регионов, переживших неоднократные административно-территориальные трансформации, включая изменение границ, слияние и разделение, потребность в региональной идентичности и побуждающей к натурализации их существования в качестве её материального воплощения. С нашей точки зрения, стереотипизация республик в качестве «нерусских» или «этнических» регионов, основанная на сведениях их населения к титульной национальности, не приближает к пониманию социальных и политических реалий, включая региональную идентичность или политическую культуру. Наиболее точным является подход к ним как полиэтническим регионам, поддержка идентичности которых населением лишь отчасти зависит от этничности.

Анализ литературы

«Идентичность» как социологическая категория связана с понятиями «самость» и «социальная категоризация». В социологии Дж.Г. Мида социальная идентичность индивида интерпретируется как «самость», формирующаяся в процессе соотнесения с «обобщенным другим» и интернализации его реакций [10. С. 224-227]. И. Гофман (1963), напротив, рассматривает идентичность как набор социальных признаков и личностных качеств, приписываемых индивидам в результате процесса социальной категоризации, посредством которого «общество устанавливает способы категоризации людей и определяет набор качеств, которые считаются нормальными и естественными для каждой из категорий. ... При встрече с незнакомцем первое же впечатление от его внешности позволяет нам отнести его к той или иной категории и определить его качества, то есть его «социальную идентичность».

Этот термин представляется нам более удачным, чем «социальный статус», поскольку, наряду со структурными качествами («видом занятий»), он включает и личностные качества (например, «честность»)» [6]. С другой стороны, поведение «идентифицируемого» субъекта И. Гофман также счита-

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта «Формирование и гармонизация общероссийской и региональной идентичности в полиэтническом регионе Российской Федерации на примере Республики Мордовия» (грант РГНФ 16-03-00145).

ет зависимым от предвосхищения им реакций окружающих (anticipated others), которые, в свою очередь, основываются на «виртуальной», или «вменяемой» идентичности, которая может отличаться от «актуальной». Особенность «испорченной» идентичности он видит именно в неочевидности и неопределённости «виртуальной» идентичности для стигматизируемого индивида, отсутствии чёткого понимания того, как его воспринимают окружающие «на самом деле».

Концептуализация понятия социальной идентичности в современных социальных науках во многом основывается на социально-психологических теориях личности (Э. Эриксон) и межгрупповых отношений (Дж. Тернер и Г. Тэджфел). Превращение понятия «идентичность» в 70-80-е г. XX в. в один из наиболее часто используемых социальных терминов связано со смещением фокуса исследования с индивидуальной на групповую идентичность в психологических экспериментах Г. Тэджфела и Дж. Тернера, изучавших её влияние на межгрупповые отношения и конфликты, предубеждения и другие межгрупповые социальные установки, внутригрупповую сплочённость и ингрупповой фаворитизм [22] и рассматривавших идентичность в значении самоопределения членов группы (и их определения посторонними) в качестве одного из важнейших критериев группы наряду с членством и взаимозависимостью групповых потребностей, целей, ценностей и установок [23. Р. 518-519].

С точки зрения Г. Тэджфела, социальные группы, будучи результатами социальной категоризации, обладают такими атрибутами, связанными с идентичностью их членов, как сплочённость, внутригрупповое сотрудничество и склонность отдавать предпочтение членам ингруппы [22. Р. 150]. Методологическая особенность теории групповой идентичности Г. Тэджфела и Дж. Тернера заключается в распространении этих свойств, выявленных в процессе экспериментов с участием нескольких десятков или сотен человек, на такие категории социальной классификации, как класс и нация [23. Р. 521]. Это допущение в сочетании с авторитетом самой теории способствовало эссенциализации понятия социальной идентичности, в результате которого большим социальным группам по умолчанию стали приписывать такие свойства, как сплочённость, гомогенность ценностей и установок, осознанное членство, общность интересов, осознание чётких групповых границ и т. п.

С точки зрения Р. Брубейкера, этот процесс способствовал популяризации понятия идентичности в сочетании с его методологической инфляцией и превращением из «категории анализа» в «категорию практики» – идеологическое и обыденное понятие, используемое в качестве универсального объяснения и обоснования политического действия, малоприспособленное для аналитических целей, но тем не менее широко используемое исследователями [3. С. 74]. В качестве «категории практики» идентичность, в отличие от категории «интереса», по его мнению, выступает в роли не требующего доказательств обоснования «партикуляристских» требований, декларируемых политиками, претендующими на представительство социальных групп, одновременно затрудняя понимание их истинных причин [3. С. 122].

Среди значений, всё ещё составляющих «аналитическую нагрузку» в социальных науках, Р. Брубейкер выделяет: 1) идентичность как специфически коллективный феномен, обозначающий «тождество» членов группы или категории, которое проявляется в солидарности, сходстве диспозиций в сознании и в коллективном действии, например, в исследованиях проблем расы, этничности и национализма; 2) идентичность «как ключевой аспект (индивидуальной или коллективной) «самости» или как основное условие социального бытия» [3. С. 76], отмечая очевидную методологическую проблему, вытекающую из использования категории идентичности даже в конструктивистском понимании, которая заключается либо в размывании её первоначального смысла, либо в её реификации – рассмотрении социального отношения с позиций «ограниченной групповости» в качестве объективно данной «однородной, ограниченной, унитарной сущности» [3. С. 95].

Субстанциалистский язык идентичности с использованием позитивистских (включая их структурно-функциональные разновидности) коннотаций понятий социальной и политической идентичности как объективных и устойчивых «социальных фактов», детерминированных социальными условиями, имеющими структуру, включающую различные уровни, социальные функции и объектные разновидности и т.д., доминирует в современных публикациях по данной проблематике в российских политических науках.

Конструктивистская интерпретация социальных идентичностей в отечественных социальных науках, напротив, акцентирует внимание на многосоставном характере политико-территориальных идентичностей в современном обществе и возможности их иерархического соподчинения. Так, по мнению В. А. Тишкова, «региональные и этнические идентичности обычно составляют компоненты

более широкого самосознания по принадлежности к нации и государству» [17. С. 24]. Однако конструктивистская установка, представленная в отечественной социальной антропологии, например, в трудах В.А. Тишкова и С.В. Соколовского, рассматривающих этнические идентичности в качестве результата процессов социальной категоризации [14. С. 79] и критикующих эссенциализм в исследованиях идентичностей [14. С. 81], предполагает использование существенно иного категориального аппарата, не обсуждаемого сторонниками эссенциалистской парадигмы, и, таким образом, реализуется параллельно с ней, без какого-либо диалога между научными сообществами.

Позитивистско-функционалистская установка на субстанциализацию категории идентичности в политических науках прослеживается на примере её определения с использованием всего комплекса социологических категорий, известных российским гуманитариям, включая социальные отношения (тогда как идентичность в классических социологических концепциях сама по себе характеризуется как отношение): «Совокупность представлений человека о своем месте в обществе, тех ценностей и поведенческих моделей, которые утверждаются на основании соотнесения себя с общественно значимыми культурными ориентирами и ролевыми функциями в публичной сфере, с социальными институтами и отношениями, формирует социальную идентичность. ... Процесс социальной самоидентификации играет основную роль в формировании мотивации деятельности людей, в объединении их усилий для социального творчества и решения общественно значимых задач, в стабильном развитии общества и обеспечивающих его жизнедеятельность институтов» и политической идентичности соответственно как «соотнесенности граждан с политическими институтами и их вовлечённости в политико-институциональное взаимодействие в рамках политической общности», которая «опирается на самоидентификацию с выступающими от имени граждан политическими сообществами и представляющими их структурами и с разными формами объединений участников политического процесса – партиями, массовыми движениями, группами интересов» [7. С. 9-10].

«Сильная», объективирующая концепция социальной идентичности отчётливо представлена также в отечественных исследованиях локальных идентичностей. Так, С.Д. Лебедев и П.Л. Крупкин видят основы современной городской идентичности «в сакральных основаниях человеческой жизни, синкретически интегрирующих чувственно-эмоциональные переживания священного (на уровне индивидуальной психики), коллективные символы / ценностные представления об идентичности (на уровне культуры) и институты – то есть социальные нормы с санкциями за их несоблюдение (на уровне общества)» [8. С. 47], тем самым придавая объективный характер ценностно-символическим механизмам конструирования и закрепления социально-групповых границ, которые, по мнению одного из основоположников конструктивистской парадигмы в социальных науках, Ф. Барта, более важны для существования групп, конструируемых относительно «значимых других» социальных субъектов, чем «объективные» культурные различия между группами [20. С. 16].

Ситуация осложняется двойственным использованием понятия «идентичность» в трудах «учёных-идентитаристов» (по выражению Р. Брубейкера), выступающих одновременно в качестве приверженцев политики идентичности, вследствие чего «сильная» интерпретация идентичности в современном восточно-европейском контексте чаще всего используется в качестве «научного переложения националистической риторики» [3. С. 110]. Поэтому, с его точки зрения, «язык идентичности» может рассматриваться скорее как составной элемент социальных отношений, чем как средство их корректного описания [3. С. 112], так как этот семантический код сам по себе выступает в качестве инструмента категоризации в контексте политики идентичности, проводимой государством как самым мощным «идентификатором» в социалистических и постсоциалистических странах. В отечественной аналитике к признакам «двойного послания», одновременно описывающего и легитимирующего определённые формы идентичности, относится априорный характер такого рода утверждений, без обоснования какими-либо эмпирическими данными о «самопонимании» членов идентифицируемой группы.

Так, экономгеограф Н. В. Зубаревич в качестве возможных негативных последствий объединения субъектов Российской Федерации, наряду с перспективой деградации региональных центров, видит «уничтожение одной из немногих существующих и очень важных идентичностей россиян – региональной, которая служит основой для формирования регионального социума» [13. С. 82]. В данном случае коллективная идентичность населения административных регионов, по большей части созданных в течение последнего столетия, чьи названия и / или территориальные границы неоднократно изменялись на протяжении их истории, рассматривается как метафизический идеальный образ «социума», первичный по отношению к нему («основа формирования»), их создание – не как

управленческое конструирование, продиктованное определёнными рациональными соображениями, а как материальное воплощение «идентичности», приписываемой жителям региона по умолчанию и в статусе самоочевидной ценности.

Субстанциализация территориальных идентичностей административных регионов как «унитарных сущностей» или коллективных личностей, имеющих биографию и самосознание, прослеживается на всех уровнях административно-территориальной иерархии и составляет очевидный компонент местной «политики идентичности»: например, книга, посвящённая истории одному из муниципальных районов Мордовии с населением менее 10 тыс. чел., наряду с другими районами созданному в советский период, ликвидированному и воссозданному в процессе реформ внутриреспубликанского административно-территориального деления, получила название «Дважды рождённый» [16].

Анализируя аналогичные примеры в западных социальных науках, Р. Брубейкер делает вывод о том, что категория «идентичность» вследствие её аналитической перегруженности, размытости и двусмысленности в настоящее время уже не является адекватным и необходимым методологическим инструментом и предлагает от неё отказаться и, например, изучать такие социальные феномены, как «разговоры об идентичностях» или «политики идентичности», не придавая этим понятиям аналитического значения. В качестве функциональных аналитических эквивалентов для обозначения предметной области «идентичности» он отдаёт предпочтение категориям «идентификации», по его мнению, лишённой овеществляющих коннотации «идентичности», и «самопонимания» как в достаточной степени рефлексивного, самореферентного и предполагающего некоторую артикуляцию когнитивного и эмоционального опыта «групповости» понятия [3. С. 97], в то время как официально декларируемая и признанная идентичность группы может быть ей навязана.

Последняя разновидность социальных идентификаций обычно рассматривается в качестве продукта «политики идентичности», являющейся продуктом социологического изучения с 90-х гг. XX в. и в англоязычном академическом дискурсе обозначаемой понятиями «politics of identity» или «identity policy», в зависимости от «социальной базы» (соответственно отдельных социальных групп или общества (страны или административного региона) в целом, чьи интересы представляет policy – государственная политика). Содержательно термин «politics of identity» (как и синонимичный термин Р. Брубейкера «politics of difference») в интерпретации К. Калхуна (1994) восходит непосредственно к категории «управление идентичностью» в социологии И. Гофмана в значении манипуляции индивидом собственной «виртуальной идентичностью» – совокупностью представлений и ожиданий других людей в отношении его личностных качеств и социального поведения – посредством «управления впечатлениями» окружающих [6].

К. Калхун во введении к книге «Социальная теория и политики идентичности», ссылаясь на И. Гофмана, определяет в качестве приоритетных объектов исследования такие аспекты конструирования идентичностей, как социальные перформансы, связанные с исполнением существующих или созданием новых групповых ролей, дискурсы, придающие социальную значимость этим ролям или уменьшающие её, их влияние на фрагментацию «самостей», основанных на множественных статусах, разногласия или политическую борьбу вокруг социальных ролей [21. Р. 15]. Понятие «политики идентичности» он использует для обозначения социальных интеракций, манипуляций и самопрезентаций в публичной сфере, предпринимаемых членами социальных групп, в особенности стигматизированных, дискриминируемых или игнорируемых институтами власти, с целью решения проблемы социального признания [21. Р. 20].

Впоследствии понятие «политики идентичности» в зарубежных и отечественных социальных науках стало рассматриваться в широком смысле, включая государственную политику (policy) воздействия на общественное мнение посредством, по выражению Р. Брубейкера, «рутинного обращения к идентитарному фрейму» с целью формирования солидарной национальной идентичности у граждан страны [3. С. 122]. Так, М. Биллинг в процессе изучения феномена патриотизма по отношению к современному национальному государству как «банального национализма» фокусирует внимание на патристической риторике государственных деятелей, которые восхваляют свою страну и постоянно апеллируют к национальной идентичности избирателей, чтобы получить их поддержку и узаконить своё право говорить от их имени: «Когда слова, создающие родину, используются регулярно, «нам» незаметно напоминают, кто «мы» и где «мы». «Мы» опознаемся даже без упоминания. В этом отношении национальная идентичность представляет собой привычный образ речи и слушания; это – форма жизни, которая привычно закрывает входную дверь и запечатывает границы» [2. С. 50].

В.Я. Гельман применительно к современной России определяет «политику идентичности» на региональном уровне как «деятельность региональных элит по управлению информационной средой в целях создания у потребителей информационных потоков внутри и вовне региона желаемого представления о самом регионе, о самих себе в регионе и о месте региональных элит в прошлом, настоящем и будущем региона» [18. С. 192], воздерживаясь в российском социальном контексте от выводов о том, представляет ли она собой «policy» или «politics», иными словами, служит ли она созданию «общественных благ или частных выгод» [18. С. 192].

Методология и методы исследования

Попытку оценить различные факторы формирования региональной и общероссийской макроидентичности, включая влияние республиканской «политики идентичности», мы предприняли в нашем исследовательском проекте, исходя из диспозициональной (структуралистско-конструктивистской) концепции социальной идентификации П. Бурдьё и Р. Брубейкера. С точки зрения П. Бурдьё, социальные классификации и категоризации представляют собой, прежде всего, инструменты разделения социального мира посредством конструирования символического порядка. Если каждый индивид имеет возможность в той или иной степени манипулировать своей идентичностью в восприятии окружающих, то на макросоциальном уровне всегда имеет место борьба нескольких «символических властей» за монополию на символическое насилие и навязывание собственного «видения легитимных делений». Таким образом, осуществляется образование групп и конструирование мира посредством создания символического порядка [5. С. 83], оцениваемого и воспринимаемого индивидами на основе габитусов и составляющих их диспозиций.

Диспозиции, или предрасположенности, представляют собой индивидуальные и групповые установки и когнитивные схемы, побуждающие воспринимать и воспроизводить социальные отношения определённым образом, которые на уровне изучения общественного мнения могут рассматриваться как «вероятность иметь мнение» [4. С. 276], хотя фактор «неответов» в массовых опросах показывает, что они далеко не всегда становятся «мнениями», то есть «сформировавшегося высказывания, претендующего на связность выражения, на общественный резонанс, признание и т. д.» [4. С. 283]. Такого рода диспозиции, не артикулируемые публично, могут быть выявлены при помощи качественных методов, включая фокус-группы и открытые групповые дискуссии.

Специфика фокус-групп как метода изучения установок массового сознания заключается в том, что, общаясь с незнакомыми людьми в процессе обсуждения актуальных социальных проблем, их участники вынуждены высказывать свои мнения в такой форме, чтобы они были восприняты окружающими, ориентируясь на обобщённые групповые нормы и используя словесные формулировки, соответствующие смыслам наиндивидуального сознания [19. С. 223]. Таким образом, артикулируются и невысказанные диспозиции, включая ранее не осознанные, и вполне сформировавшиеся мнения, игнорируемые «символическими властями»: например, мнение о нецелесообразности всеобщего изучения мордовского (мокшанского и эрзянского) языка в средних школах Мордовии, высказанное рядом участников всех трёх фокус-групп, несмотря на отсутствие прямого вопроса в развёрнутой и аргументированной форме и составляющее своего рода «контрпроблематику» исследования. Это мнение, как показал массовый опрос населения 2013 г., реализованный в рамках нашего исследовательского проекта, разделяется большинством населения республики, включая опрошенных 62,3 % русских и 64,7 % татар, посчитавших, что их следует изучать в качестве факультативов для всех желающих, а также 7,5 % респондентов-русских и 5,9 % татар, разделявших мнение о том, что эти языки вообще не следует изучать в школе [15. С. 132].

В нашем фокус-групповом исследовании, выполненном в 2016 г. совместно с участниками научно-исследовательского проекта «Формирование и гармонизация общероссийской и региональной идентичности в полиэтничном регионе Российской Федерации на примере Республики Мордовия» (грант РГНФ № 16-03-00145а), была предпринята попытка оценить результаты воздействия республиканской политики региональной идентичности на «самопонимание» населением Мордовии собственной групповой солидарности и социальных границ относительно региональных общностей других субъектов РФ.

Всего для выявления основных социальных факторов и технологий конструирования общероссийской и региональной идентичностей и их гармонизации в полиэтничных регионах в статусе республик в составе РФ было проведено 3 фокус-группы (по 7–9 человек в каждой) среди жителей Рес-

публики Мордовия: горожан с высшим образованием (ФГ-1), сельских жителей с различным уровнем образования (ФГ-2), горожан со средним образованием (ФГ-3) с участием представителей наиболее многочисленных этнических групп населения республики – русских (составляющих 56 % населения республики, согласно Всероссийской микропереписи населения 2015 г.), мордвы (39 %, по данным микропереписи) и татар – в каждой группе, с учётом пола, возраста, национальности и уровня образования в процессе рекрутирования участников. Языком фокус-групп являлся русский, доминирующий в Мордовии не только в межэтническом, но и во внутриэтническом общении между представителями мордвы-мокши и мордвы-эрзи в условиях официальной мокшано-эрзянской диглоссии.

Наряду с вопросами о содержательных компонентах республиканской идентичности (самооценка значимости республиканской идентичности относительно российской, мнение о культурных и этнических особенностях региона, знаковые персоны, символы и события, объединяющие население республики и т.д.), в гайде фокус-групп в качестве индикатора региональной солидарности использовался вопрос об отношении к высказанному весной 2016 г. предложению председателя Совета Федерации РФ В. И. Матвиенко об объединении ряда регионов с целью повышения уровня жизни и создания условий для оптимального экономического развития, а также к предложению заместителя председателя одного из комитетов Совета Федерации об объединении республик Марий Эл и Мордовии (с численностью населения менее 1 млн человек в каждой) с Чувашской Республикой и Нижегородской областью [1], которое было также передано средствами массовой информации Мордовии от имени В.И. Матвиенко вместе с сообщением об её мордовском этническом происхождении [11].

Результаты исследования

Исследование показало, что «язык идентичности» в Мордовии к настоящему времени освоен не только республиканской политической и символической элитой (достаточно вспомнить название VI съезда мордовского (мокшанского и эрзянского) народа (2014 г.) «Мордовский народ в формировании общероссийской гражданской идентичности»), но и населением республики, граждане которой демонстрируют способность не просто повторять высказывания, содержащие буквальные («*Мордовия национально уже самоидентифицировалась*») или соответствующие по смыслу «идентитарной» лексике термины, но и достаточно свободно манипулировать категориями идентичности в собственных интересах.

В исследовании было зафиксировано в целом отрицательное отношение информантов к предложению об объединении Мордовии с другими регионами. Во всех фокус-группах преобладала критическая и саркастическая реакция информантов, за исключением государственного и муниципального служащих, в силу специфики своей деятельности проявлявших больший интерес к финансовому положению республики, в которой внешняя задолженность бюджета на протяжении последних нескольких лет, как и в настоящее время, более чем вдвое превышает его годовые собственные доходы. Таким образом, исследование позволило констатировать устойчивую объективацию восприятия республики как административного региона с тенденцией к его реификации: предложение о ликвидации республики ряд участников дискуссии, независимо от их этнической принадлежности, оценили как противоречащее здравому смыслу.

Несмотря на предсказуемый и в целом ожидаемый характер таких оценок, фокус-группы позволили получить новые данные об основаниях республиканской идентичности и лояльности. Наряду с несомненным влиянием региональной политики идентичности в дискуссии о возможности объединения республик, преобладали аргументы экономического и статусного характера.

Основываясь на аргументах участников фокус-групп в пользу сохранения республики, доминирующие факторы формирования и поддержания республиканской идентичности и солидарности можно охарактеризовать как центрально-периферийные, выделив среди них (а) экономикогеографические, основанные на местоположении самого крупного регионального городского центра – г. Саранска – относительно транспортных магистралей (гужевой торговый путь из Крыма и сурский водный путь в XVII-XVIII вв., способствовавшие основанию укрепленного города и уездного центра на засечной черте, впоследствии – относительно равноудаленных от города узловых железнодорожных станций – Рузаевки и Красного Узла (пгт. Ромоданово), вследствие некомпетентной политики дореволюционных городских властей оказавшиеся за пределами Саранска, но способствовавшие его превращению в столицу автономной республики, созданной в советский период); (б) административно-территориальные, связанные с превращением г. Саранска в республиканский «город власти» и, как следствие, «эффекта масштаба» в небольшой

республике, в «моноцентр», стянувший в советский и постсоветский периоды в столичную городскую черту и пригородные районы большую часть населения региона, развивающийся и использующий преимущества всероссийских и международных «мегасобытий» (включая предстоящий в 2018 г. чемпионат мира по футболу) на фоне деградирующей республиканской периферии. Основным механизмом центр-периферийного перераспределения населения в данном случае является превращение государства в набор «услуг» и административных ресурсов, поддерживающих рыночные структуры, сконцентрированные в условиях «неоэтакратической» постсоветской экономики в административных центрах регионов наряду с инвестициями, налоговыми поступлениями и человеческим капиталом [9].

Перечисленные факторы, как показывает история региона, могут утрачиваться, приобретаться и трансформироваться во времени, а также «рассеиваться» в пространстве по направлению от центра к периферии региона. Жители «приграничных» районов Мордовии и Чувашской Республики могут отдавать предпочтение объектам социальной структуры, расположенным в близлежащем районе соседнего «государства», перед собственной столичной инфраструктурой, использование которой требует больших денежных и временных затрат, но при этом сталкиваются с формальным и неформальным противодействием государственно-муниципальных структур в «своей» республике. Однако неприятие участниками фокус-групп, проживающих в столице или ближайших к ней районах, идеи объединения республик мотивировались в основном именно опасением потери привилегированного статуса в центр-периферийных территориальных отношениях и превращением территории их проживания в социальную периферию, ещё более отдалённую от развитых регионов, по сравнению с современной Республикой Мордовия:

ФГ-1: «Информант III. Я также категорически против. Я ещё это аргументирую тем, что мой город не будет столицей региона. То есть если будет огромная территория, то нужно выбрать какой-то один большой город. И я не думаю, что Саранск может занять эту нишу. Это моя позиция, то есть остальные города также будут претендовать. И жить в сотнях километрах от столицы – это тоже не вариант» (27 лет, мордовка, педагог-психолог).

Модератор: «А если бы Саранск был столицей, то как бы вы к этому отнеслись?»

Информант III: «Я бы всё равно отрицательно».

Информант IV: «Нормально» (27 лет, татарин, государственный служащий).

Информант III: «Нет, потому что я уважаю других людей, будут точно также люди с других уголков нашей большой республики, им же будет неудобно до столицы добираться. Что это получится? До Москвы будет ближе, чем до столицы республики, это вот что такое?»

ФГ-2: «Информант IV: Если это экономически обосновано. А не просто объединять территориально. Сколько у нас, восемьдесят девять субъектов? И сейчас взять, как Жириновский говорит, сделать семнадцать. Зачем это? Сейчас уже эта тенденция нехорошая, я считаю. Как юридические лица у нас сейчас умирают? Говорят «объединить». Музыкальные школы и школы искусств – говорят, надо из пяти сделать одну. Чтобы за 60 километров директор школы центральной руководил. Это 700 человек! Представляете, средняя школа, 300 человек – мы ставим директора школы. А тут делаем так. А обсчитывает кто? Минфин. Я вот вчера был, говорю им: вы что делаете, товарищи дорогие! Так нельзя! Так и тут надо – просчитать! Есть выгода от этого? А выгоды нет никакой!» (64 года, русский, образование высшее, муниципальный служащий).

Напротив, аргументы, основанные на угрозе «праву на идентичность» в аспекте личностной «самости», в дискуссии практически отсутствовали, хотя одна из участниц и упомянула «самоидентификацию Мордовии» как региона. Региональная самоидентификация участников фокус-групп, как показали их ответы на вопрос о том, кем они себя ощущают в первую очередь — россиянами или жителями Мордовии, представляет собой в значительной степени ситуативный феномен, и поэтому, например, переезд в другой регион не является для них фактором кризиса идентичности: «Пока я в Мордовии живу, наверное, я, житель Мордовии, уеду в другое место – буду жителем другой территории» (ФГ-1, 27 лет, татарин, государственный служащий); «Когда едешь в другой регион или в столицу, то там уже ощущаешь себя россиянином. Потому что чувствуешь, что это тоже твоё» (ФГ-2, 33 года, татарин, предприниматель, образование высшее).

Специфика небольших республик, в которых отсутствуют не только крупные, но и средние города, помимо столицы, проявляется в самоидентификации с ней всего населения республики. В восприятии участников сельской фокус-группы понятия «Мордовия» и «Саранск» в качестве объектов самоидентификации практически сливаются, а столичный ресурс рассматривается как общее символическое достояние, перспектива утраты которого вызывает негативную эмоциональную реакцию:

ФГ-2: *«Информант VII: Когда объединяют, причина должна быть – экономический рост. Мордовия в долгах, естественно. Мы все об этом знаем, живем на дотациях. Если объединение, значит – какой-то подъём, чтобы вытащить нас куда-то. А если Марий Эл и Чувашия – там нет ничего» (58 лет, татарка, образование высшее, бухгалтер).*

Модератор: *«Но Вы ведь и к Нижегородской области не согласны присоединяться?»*

Информант VII: *«А что там, в Нижегородской области? Там это – завод только, а больше, что?»*

Модератор: *«А если к Татарстану?»*

Информант VII: *«Он от нас далеко».*

Информант VI: *«Я был и в Чувашии, и в Марий Эл и не вижу никакой разницы – чем они лучше нас живут или чем они хуже. Везде всё одинаково. Видимо, это только Матвиенко надо – объединить неизвестно для каких целей. Инфраструктура абсолютно одна и та же. Мордовия и то, наверное, занимает первые места по красоте города, и по чистоте, и по всему. Я смысла не вижу в объединении. Для чего?» (33 года, татарин, образование высшее, предприниматель).*

Модератор: *«А если бы к какому-то сильному региону нас присоединили, то как бы Вы к этому отнеслись?»*

Информант VI: *«Смотря чем мотивировать это все. Для чего? Для подъема экономики или решения межнациональных вопросов? Я не знаю даже. Как-то и не против. И... Это не нам решать все равно».*

Информант VII: *«Так это оптимизация получается!»*

В данном случае, как и на других фокус-группах, можно отметить, что информанты высказываются не против объединения территорий в принципе, а против объединения со «слабыми», с их точки зрения, регионами, и опасениями, что они не смогут «вытащить» дотационную республику.

Доминирование в дискуссии проблем, связанных с уровнем жизни населения и экономической «выгодой» объединения регионов, показывает, что вопрос об экономической неэффективности инвестиций и бюджетных субсидий в Мордовии может рассматриваться в качестве аргумента как за, так и против объединения с подобными республиками: *«Я, если честно, не знаю, как там в Марий Эл, в Чувашии, чем там люди вообще живут. Республика Мордовия — дотационная республика, сюда большие средства вливаются, если те республики таковыми не являются, то – это большой плюс, на их спине, с их поддержкой. Вот чем они занимаются, что они выпускают, какая у них продукция? Нужно от этого отталкиваться, смотреть, естественно. В Мордовию вливаются большие средства, именно из нашей казны, и эти средства, как мне кажется, никак себя не оправдывают... Если Марий Эл и Чувашия живут таким же образом, то это вообще ни к чему не приведёт» (ФГ-3, 24 года, русский, оператор сотовой связи).*

Собственно этнический компонент республиканской идентичности, который часто рассматривается в российском экспертном дискурсе в качестве самоочевидного аргумента в пользу их существования как отдельных субъектов Российской Федерации, артикулировался отдельными (не всеми без исключения) участниками дискуссии, относящими себя к мордве: *«Я считаю, что если мы присоединимся к какой-либо республике, то меньше будут рассматриваться национальные вопросы, и наша небольшая нация может в итоге раствориться» (ФГ-2, 35 лет, мордовка, образование, высшее, учитель).* Другие участники фокус-групп рассматривали «национальный вопрос» в качестве аргумента как против, так и за объединения регионов, указывая на территориальное обособление квази-этнических субъектов федерации как на возможный источник конфликтов: *«Там, наверное, посмотрели: эти названия «Мордовия», «Чувашия» по национальностям – наверное, тоже не очень благотворно влияют на ситуацию в целом в России. Потому что каждый защищает свое. Вот я в Мордовии, я – мордвин, в Татарстане я – татарин, в Чувашии я – чуваш. Здесь тоже подоплёка. И об этом, если послушать, как наши политики высказываются, разные мнения есть. А это уж будет – область» (ФГ-2, 64 года, русский, образование высшее, муниципальный служащий).*

Информанты «нетитульных» национальностей, напротив, отдавали предпочтение мнению о том, что Мордовия в аспекте культурно-языковых предпочтений принципиально не отличается от соседних «русских» регионов, отмечая принципиальную недостаточность принятой в современной России системы этнических и культурных категорий политики идентичности реальным процессам группообразования, в полном соответствии с наблюдениями Р. Брубейкера: *«Сейчас уже очень сильно эти границы размылись, иногда общаешься с человеком и даже не знаешь, что он наполовину*

мордвин, а наполовину русский. Он даже сам не знает родного языка, поэтому, наверное, сам уже не относит себя ни к мордвину, ни к русскому. Нет вот такого разграничения у нас сейчас в нашей республике, тоже может быть наполовину татарин, наполовину мордвин. Просто есть человек, который умеет общаться по-русски, ты с ним разговариваешь, у него уже нет никаких отличительных особенностей, т.е. уже все объединились конкретно, основательно» (ФГ-3, 24 года, русский, оператор сотовой связи). Можно заключить, таким образом, что население республики в действительности не является пассивным объектом региональной «политики идентичности», а включает социальных агентов, способных к её рефлексивному восприятию и критической оценке.

Декларацию отсутствия региональной этнической специфики можно рассматривать в качестве одной из стратегий сопротивления институциональной «мордвинизации» социальной среды республики, в частности, в форме практически обязательного обучения мордовскому языку в школах. Это сопротивление в Мордовии принимает различные формы, включая обращения с петицией к Президенту РФ, которую подписали в 2015 г. около тысячи семей г. Саранска [12]. В данном случае информанты преуменьшают субъективно воспринимаемую долю населения «титульной» национальности в республике в качестве политического аргумента, скептически воспринимая данные переписи, о которых им сообщает модератор.

Можно сделать вывод о существовании такого социального феномена, как конкурирующие «образы» этнического состава населения республики, конструируемые, с одной стороны, республиканским руководством при помощи административного ресурса, с другой стороны, и общественным мнением, – с третьей. В ситуации, когда данные переписей населения политизируются, сами переписные процедуры не могут рассматриваться ни одним из «идентификаторов» как нейтральные и заслуживающие доверия в этническом аспекте: «Я думаю, что у нас в республике не созданы условия для развития большого количества культур. Огромный уклон в сторону мордовского языка, в школах изучают практически обязательный факультатив, всех заставляют изучать мордовский язык, и родители открыто говорят, что зачем он нужен, лучше ввести дополнительный курс английского языка или урок. И, в общем-то, с ними сложно не согласиться: мы разве говорим на мордовском языке? Официальный язык, герб, гимн – это малая часть, хотя правильно сказали: титульная нация – 25 % в Мордовии, а может быть, и того ниже. А татарскому языку вообще никто внимания не уделяет, хотя это 5 % населения» (ФГ-1, 27 лет, татарин, государственный служащий).

Этнические различия в структуре населения регионов Поволжья не могут рассматриваться в качестве абсолютного препятствия для изменения административно-территориального деления, так как эта структура сформировалась задолго до советского «национально-государственного строительства», в частности, все три перечисленные республики, как и Нижегородская область, содержат компактные группы русского, татарского и мордовского населения как в сельской, так и в городской местности. Однако, если участники фокус-групп склонны к «деконструкции» официальных пропагандистских образов собственной республики как этнически специфического региона и минимизации её культурно-языковых особенностей, то этнокультурную специфику других республик они склонны всеми способами подчёркивать и даже эссенциализировать на основе апелляции к истории, традициям и культуре.

Обсуждение предложения об объединении республик позволяет отметить по крайней мере две существенные особенности «идентитарного фрейма» участников фокус-групп, соответствующие конструктивистской концепции социальной идентификации, а именно, конструирование региональной идентичности по принципу «разделения», а не тождества («Чувашия – такая же, как и мы, Марий Эл – тоже. Там никаких заводов, ничего нет») и вторичность культурного «содержания» декларируемой идентичности по отношению к «границам»: «Информант VII: Чувашия – там все другие нации, у нас и так своих хватает. Я считаю, что этого не нужно делать» (ФГ-2, 58 лет, татарка, образование высшее, бухгалтер). – Модератор: «Но Вы же за многонациональность?» – Информант VII: «Ну и что? Мордовия должна оставаться Мордовией. Я считаю, что ничего хорошего от такого объединения не будет. Подъёма производства не будет. Чувашия – такая же, как и мы, Марий Эл – тоже. Там никаких заводов, ничего нет. Плюс экономического роста я не вижу, если нас объединят».

Информанты дистанцируются от наиболее «тождественных» республик с аналогичными социально-экономическими проблемами и в качестве дополнительного аргумента активизируют «идентификационный фрейм», натурализируя республиканскую идентичность («Мордовия должна быть

Мордовией, Чувашия – Чувашией, Марий Эл – должна быть Марий Эл»), апеллируя к предполагаемому региональному культурному своеобразие, и в качестве его гарантов – к институтам республиканской государственности, определяя её в терминах национальной идентичности («как уже было сказано, Мордовия национально уже самоидентифицировалась»). В данном случае импровизированное «изобретение традиций», обосновывающих сохранение статуса республик, никак не связано с этнической принадлежностью самих информантов:

Модератор: «Правильно ли я Вас понимаю, что Вы не одобряете объединение Мордовии с Чувашией и Марий Эл?»

Информант VII: «Если бы был референдум, то мы проголосовали бы против» (ФГ-2, 58 лет, татарка, образование высшее, бухгалтер).

Информант VI: «Мордовия должна быть Мордовией, Чувашия – Чувашией, Марий Эл – должна быть Марий Эл. Мы к своим-то национальностям привыкли, которые у нас здесь в Мордовии. А они – другие. Я был там, я с ними общался» (33 года, татарин, образование высшее, предприниматель).

Информант V: «Я, как домохозяйка, могу сказать: когда три женщины на кухне – это всегда плохо. Пусть они все будут по отдельности и дружат между собой издали. У каждого пусть будет своя кухня» (27 лет, русская, образование высшее, в отпуске по уходу за ребенком).

Информант I: «Я против по одной простой причине. У каждой республики – своя культура, разные традиции и разная история. И если сейчас мы объединимся, нам, как минимум, нужно будет узнать традиции и культуру Марий Эл и Чувашии, чтобы найти с ними общий язык, общий праздник и так далее. Это будет очень сложно» (20 лет, национальность не назвал (мать – русская, отец – татарин), студент).

Информант II: «Я к этой затее отношусь крайне отрицательно. Потому что, как уже было сказано, Мордовия национально уже самоидентифицировалась. К тому же, если она [В. И. Матвиенко] предлагает это, чтобы не было различий национальных, то это не будет чем-то хорошим. И экономическая обусловленность тоже очень сомнительна» (25 лет, русская, образование высшее, безработная).

Вторичность аргументации, основанной на региональной культурной дифференциации, становится очевидной в сравнении с предыдущими частями дискуссии, в которой информанты характеризовали народ России как полиэтничную, но солидарную и социально гомогенную общность: «Изначально я родился в мусульманской семье, в которой прививали, не то что вражду, а уникальность мусульманского народа. Вырос, я учился в школе, у меня было огромное количество друзей, которые были различных национальностей, и, прожив еще в других городах, уверен, что народ России – это единый народ, и можно сказать, что он разный в тех же случаях, как разные люди живут в соседнем районе города. Потому что, будучи на различных мероприятиях, фестивалях, съезжались люди с различными, не то что мировоззрением, а с идеями, я видел, что в основном объединяет больше идея, нежели мы друг от друга отличаемся. Даже те же самые южные ребята, у них условия заработка другие, и поэтому они так себя ведут, а если они с простыми ребятами разговаривают, они такие же люди со своими такими же проблемами. То есть я уверен, что народ России – это единый народ» (ФГ-2, 33 года, татарин, образование высшее, предприниматель) и, отвечая на вопрос модератора, предпочитают ли они жить в многонациональной стране или состоящей из представителей одной национальности, утверждали, что не рассматривают полиэтничность и поликультурность в качестве серьезной проблемы или угрозы: «Я выбираю многонациональное государство» (ФГ-2, 25 лет, русская, образование высшее, безработная); «Я за многонациональное государство» (ФГ-2, 35 лет, мордовка, образование высшее, учитель); «Мы никуда не уйдем от многонациональности. Никогда этого не будет, и не ждите! Я даже представить такого не могу» (ФГ-2, 64 года, русский, образование высшее муниципальный служащий); «Многонациональное. Иначе это будет фашизм» (ФГ-2, 27 лет, русская, образование высшее, в отпуске по уходу за ребенком); «Многонациональность. С мордвой мне хорошо» (ФГ-2, 58 лет, татарка, образование высшее, бухгалтер).

При этом стоит отметить, что культурные аргументы спонтанно «конвертируются» в экономические и наоборот. Таким образом, декларация культурных отличий с другими республиками в ходе обсуждения вторична по отношению к спонтанному социальному дистанцированию, в процессе которого подразумеваемые (но не артикулируемые и, возможно, не вполне понятные самим информантам) культурные отличия используются в качестве маркеров для конструирования социальных границ между регионами.

Обсуждение

Суммируя высказанные участниками фокус-групп аргументы «за» (возможность подъёма экономики и уровня жизни населения, улучшение качества территориального управления, предотвращение этнических конфликтов) и «против» объединения регионов (потеря столичного статуса региональными центрами, дальнейшая деградация экономики и социальной инфраструктуры, угроза ассимиляции «титულных» этнических общностей, проблемы в области межкультурной коммуникации, борьба за власть), можно условно разделить их на экономические, политические и культурные.

В случае с данным регионом установки против объединения Мордовии с другими субъектами Российской Федерации можно, как нам представляется, свести к опасениям снижения социального статуса в отношениях центр-периферийной стратификации, последствия которой в случае негативного сценария ощутило бы большинство населения региона и, вероятнее всего, – каждый из участников фокус-групп. Несмотря на осознание того факта, что в российском социальном пространстве республика в настоящий момент имеет статус «внутренней периферии», обсуждение этой гипотетической угрозы на фокус-группах актуализирует у их участников процесс региональной самоидентификации. Самоидентификация в данном случае осуществляется на основе дистанцирования от регионов, которые информанты считают бесперспективными в плане объединения, и стимулирует использование всех известных им аргументов, включая предполагаемое столкновение региональных культур.

В свою очередь, опасения нисходящей центр-периферийной мобильности связаны с неизбежной перспективой утраты определённости в социальных взаимодействиях, а не предполагаемой региональной идентичности как самоочевидной и безусловной ценности. Объяснение взаимной обратимости экономических и культурных оснований региональной идентичности, которую демонстрируют информанты, по-видимому, возможно на основе конструктивистского заключения о статусной модели «видения и разделения мира» как общем источнике моделей этнической и территориальной дифференциации, сформированных в административных регионах на основе доступа к различным видам социального «капитала» и соответствующих им социальных габитусов и «правил игры», позволяющих с большей или меньшей определёностью идентифицировать своё место в обществе, доступные ресурсы и шансы. *Информант 1: «В любом случае каждый будет тянуть на себя одеяло, и опять же на этой почве будут конфликты, то есть эти факторы должны будут наши органы как-то сдерживать. Здесь я нейтрален. Я не чувствую здесь каких-то минусов, плюсов...» (ФГ-1, 23 года, национальность – Российская Федерация, системный администратор).*

Заключение

Наряду с освоением политического «языка идентичности» населением Республики Мордовия исследование позволило выявить также наличие у него ряда социальных диспозиций, рациональных (в значении «ограниченной рациональности»), подвижных, составляющих динамический аспект территориально-политических самоидентификаций, основанных на личном опыте и «практическом смысле» индивидов и позволяющих им манипулировать признанными категориями идентичности в собственных интересах и формулировать собственную «контрпроблематику».

Мнения, высказанные информантами в результате ситуативного изменения «территориального фрейма» дискуссии при обсуждении предложения об объединении республик и частично противоположные по смыслу артикулированным ранее, демонстрируют, с нашей точки зрения, процессуальный и ситуативный характер социальных идентификаций. Также данные мнения свидетельствуют о принципиальной независимости социальных категорий и диспозиций, находящихся в основе российской государственной (национально-гражданской), центр-периферийной и региональной самоидентификаций участников фокус-групп как друг от друга, так и от категорий этнической самоидентификации: и российская национальная, и региональная идентичность, с точки зрения информантов, не предполагают гомогенной этнической основы, а взаимная обратимость культурных и социально-экономических аргументов в пользу сохранения республиканских идентичностей в ходе дискуссии демонстрирует вторичность культурных маркеров по отношению к социальному дистанцированию.

В методологическом отношении исследование подтвердило вывод Р. Брубейкера об аналитической бесперспективности использования категории социальной идентичности вследствие её идеологизации и размывания исходного социологического значения этого термина в обыденном языке. С нашей точки зрения, широкое использование «языка идентичности» и его удобство для смысловых манипуляций, продемонстрированное в фокус-групповом исследовании, затрудняет операционализацию этого понятия и создаёт риск сведения статуса любого дискурса идентичности с аналитического до объекта анализа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. «Государства в государстве»: Парламентарии об укрупнении регионов // REGIONS.RU. 26.04.2016. URL: <http://regions.ru/news/2578493/> (дата обращения: 11.11.2016).
2. Биллиг М. Повседневное напоминание о Родине // Логос. 2007. № 1. С. 35-71.
3. Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2012. 408 с.
4. Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики. М.: Ин-т экспериментальной психологии; СПб.: Алетейя, 2007. 576 с.
5. Бурдые П. Социология социального пространства. М.: Ин-т экспериментальной психологии; СПб.: Алетейя, 2007. 288 с.
6. Гофман И. Стигма: Заметки об управлении испорченной идентичностью. Часть 1. Стигма и социальная идентичность. Часть 2. Контроль над информацией и социальная идентичность (главы 3-6). Перевод М.С. Добряковой. 1988 // Социологический форум. 2001. № 1-4. URL: https://www.hse.ru/data/2011/11/15/1272895702/Goffman_stigma.pdf (дата обращения: 11.08.2017).
7. Идентичность как предмет политического анализа: сб. статей по итогам Всерос. науч.-теорет. конференции (ИМЭМО РАН, 21 – 22 октября 2010 г.) / Редкол. сб.: И.С. Семенов (отв. редактор), Л.А. Фадеева (отв. редактор), В.В. Лапкин, П.В. Панов. М.: ИМЭМО РАН, 2011. 299 с.
8. Крупкин П.Л., Лебедев С.Д. К сакральным основаниям локальных идентичностей в современной России: опыт структурного анализа // Соц. журн. 2013. № 4. С. 35-48.
9. Лексин В.Н. Города власти: административные центры России // Мир России. 2009. № 1. С. 3-33.
10. Мид Дж. Интернализированные другие и самость // Американская социологическая мысль: тексты / под ред. В. И. Добренкова. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 224-227.
11. Мордовка Матвиенко предложила укрупнить регионы // Региональное информационное агентство ИНФОРМ/INFO-RM. 2016. 28 апреля. URL: http://info-rm.com/2016/04/28/nordovka_natvienko_predlozhila_ukрупnit_regiony.html (дата обращения: 11.11.2016).
12. Родители школьников Саранска написали петицию президенту // Портал Pro Город Саранск. 4 декабря 2015 г. URL: <http://pg13.ru/news/8343> (дата обращения: 18.07.2017).
13. Российские регионы: экономический кризис и проблемы модернизации / под ред. Л.М. Григорьева, Н.В. Зубаревич, Г. Р. Хасаева. М.: ТЕИС, 2011. 160 с.
14. Соколовский С.В. Современный этногенез или политика идентичности? Об идеологии натурализации в современных социальных науках // Этнографическое обозрение. 2012. № 2. С. 77-83.
15. Социальные факторы межэтнического и межконфессионального согласия в полиэтничном регионе: моногр. / науч. ред. О.А. Богатова; Рос. правовая акад. М-ва юстиции РФ; Средне-Волжский (г. Саранск) фил. Саранск: ЮрЭксПрактик, 2014. 160 с.
16. Сыгонин Н.И. Дважды рождённый: Историческая летопись и нынешний день Кадошкинского района / Н.И. Сыгонин, Л.И. Фролова, Р. Н. Бусарова. Саранск: Изд-во Морд. ун-та, 2002. 284 с.
17. Тишков В.А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. М.: Наука, 2013. 649 с.
18. Центр и региональные идентичности в России / под ред. Владимира Гельмана и Теда Хопфа. СПб.; М.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге; Летний сад, 2003. 256 с.
19. Штейнберг И.Е., Шанин Т., Ковалев Е.М., Левинсон А.Г. Качественные методы. Полевые социологические исследования / под ред. И. Штейнберга. СПб.: Алетейя, 2009. 352 с.
20. Этнические группы и социальные границы: сб. ст. / под ред. Ф. Барта. М.: Новое изд-во, 2006. 200 с.
21. Calhoun C. Social Theory and the Politics of Identity / Ed. by Craig Calhoun. Oxford: Blackwell Publishers Ltd, 2003. 290 p.
22. Tajfel H., Flament C., Billig M. G., Bundy R. F. Social categorization and intergroup behaviour // European Journal of Social Psychology. 1971. № 1. P. 149-177.
23. Tajfel H. The social dimension: European developments in social psychology / Ed. by H. Tajfel. N.Y.: Cambridge University Press, Vol. 2 2007. 715 p. P. 518-519.

Поступила в редакцию 15.08.17

О.А. Богатова

“BUT THEY ARE OTHERS”: REGIONAL SELF-IDENTIFICATION, SOCIAL DISTANCE MAKING AND “IDENTITY LANGUAGE” IN REPUBLIC MORDOVIA (ON THE EXAMPLE OF DISCUSSING THE INTEGRATION OF REGIONS IN THE RUSSIAN FEDERATION)

In the present study based on the series of focus groups data concerning a regional integration in the Volga area the political discourse of regional identity of the Russian regions in the status of republics is analyzed on the example of Republic Mordovia. The design and results of the study are theoretically discussed from the point of view of their relevance to a dispositional conception of social identification within the framework of a constructivist approach. The basic

social dispositions causing regional, center-peripheral and national self-identifications of the Republic Mordovia population are revealed; the secondariness of cultural identification of regions as “others” by the social distance making is shown.

Keywords: social identification, territorial identity, regional identity, politics of identity, social distance, social borders, discourse of identity, republics in the structure of the Russian Federation, integration of regions.

Богатова Ольга Анатольевна,
доктор социологических наук, профессор
ФГБОУ ВО «Мордовский государственный
университет им. Н.П. Огарёва»
430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68
E-mail: kafedra_sociologii@mail.ru

Bogatova O.A.,
Doctor of Sociology, Professor
Ogarev Mordovia State University
Bolshevistskaya st., 68, Saransk, Russia, 430005
E-mail: kafedra_sociologii@mail.ru